

*Я пришла из школы
в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы
в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе,
чем Россия,
Не могла сыскать.*

Эти строки Юлии Друниной можно отнести ко всем девчонкам Советского Союза, чья юность совпала с лихой военной годиной. Они воевали наравне с мужчинами, в полной мере разделяя с ними жестокость и боль сражений, перенося все тяготы нелегкого фронтового быта. Из школьного класса шагнула в войну и алматинка Софья Аркадьевна Румянцева, зенитчица, на счету которой не один сбитый вражеский самолет. Участвовала в Харьковской операции, Сталинградской битве, в боях на Орловско-Курском направлении, Яско-Кишиневской наступательной операции. Освобождала Донбасс, западную Украину, Чехословакию. Войну закончила под Прагой. Кавалер ордена Отечественной войны II степени, медалей «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За отвагу и мужество» и многих других. Ныне председатель Объединенного совета ветеранов Сталинградской битвы г. Алматы.

Комсомольцы-добровольцы

В 1941 году Сонечке Самарышевой (это девичья фамилия С.А. Румянцевой) было 17 лет, она училась в 9 классе Новосибирской школы. И когда «черные тарелки» репродукторов голосом Левитана известили о вероломном нападении на страну немецких войск, весь класс почти в полном со-

ставе отправился в райком комсомола проситься на фронт, в том числе и Соня, ведь она была заместителем секретаря комитета комсомола школы. Но секретарь райкома сказал ребятам: доучитесь, приобретите военную специальность, тогда приходите.

«Мы стали показывать ворошиловские значки, убеждать, что все умеем, – рассказывает Софья Аркадиевна. – И мы действительно многое умели – нас учили стрелять, занимались физической подготовкой, с трамплина я прыгала так, что сейчас просто удивляюсь, как это у меня получалось, учили перевязывать раненых. Да и вообще, с детства мы готовились защищать Родину.

А какие песни пели – «Здравствуй, страна героев!», «Широка страна моя родная». Когда началась война, на третий день из всех репродукторов неслось «Вставай, страна огромная». Уже тогда мы знали, что патриотизм – это не просто любовь к родине, но еще и помощь стране в трудную минуту.

Зимой 1941 года в газете «Правда» появилась статья «Таня» о подвиге Зои Космодемьянской. Я знала эту статью наизусть и хотела быть такой же, как та бесстрашная девушка-комсомолка. А с томиком романа Николая Островского «Как закалялась сталь» (он вышел небольшим форматом как раз накануне войны) ушла на фронт».

В конце мая 1942 года Сибирский военный округ начал призывать девушек-комсомолок в войска противозвоздушной обороны. В спешном порядке сдав выпускные экзамены, Соня вновь подала заявление в райком комсомола, и вместо выпускного бала у нее были проводы на фронт. На вокзале играл духовой оркестр, Соня с подругами задорно выводили «До свиданья, города и хаты, нас дорога дальняя зовет». Девушки были счастливы, что наконец-то едут на фронт. Плакали мамы, они бежали за движущимся эшелонном, кричали, махали дочкам вслед. Мамы понимали, что не всем суждено вернуться...

«Ехали мы в товарниках, в каждом вагоне нары двухэтажные, на которых постлана солома. Сразу пришлось привыкаться к фронтовому быту, – вспоминает Софья Аркадьевна. – В Купянске, небольшом городке под Харьковом, где проходила линия Юго-Западного фронта, меня зачислили в 317-й зенитно-артиллерийский полк 4-й дивизии ПВО. Только мы успели принять военную присягу, как немцы подошли к городу».

Купянск был стратегическим объектом, крупным железнодорожным узлом, где на путях стояли эшелоны с военной техникой, танками, самолетами. Удержать город не удалось.

Харьковская наступательная операция, на которую командованием возлагались большие надежды, провалилась. Началось массовое отступление.

«500 с лишним километров мы шли пешком, а одеты были еще в домашние платица, на ногах тапочки – нас не успели даже обмундировать, не успели выдать оружие. Винтовки мы получили лишь, когда подошли к Сталинграду, правда, они были образца первой мировой войны со штыками. В первый день без остановки прошли сразу 60 километров! По сути, это было бегство. Сколько людей погибло! Отступали мы под постоянным обстрелом, шли в основном ночью, прятались в лесах, чтобы нас не было видно. Немецкие самолеты, пикируя, обстреливали с воздуха. Никогда не забуду лицо фашистского летчика, которого увидела впервые, казалось, он летел прямо на нас. Вы спрашиваете, страшно ли нам было? Наверное, в какие-то минуты и страшно, но мы не паниковали. Мы были патриотами».

Но умирать в первые дни, еще не успев повоевать, тоже не хотелось. Правда, овладевать хитростями войны приходилось на собственном опыте, которого было, ой, как мало. «Науку воевать» им еще предстояло постичь. А пока первое знакомство с войной поселило не столько смятение в неокрепшие души, сколько злость и чувство мести к врагу за те страдания, которое он с собой нес. Они даже не могли допустить мысли, что земля, которая сейчас называлась их Родиной, может стать немецкой. В июле 1942 года вышел приказ Сталина № 227 «Ни шагу назад!». Это означало победить или погибнуть. Третьего было не дано.

«Оборванные, грязные, измученные, без оружия, мы пришли под Сталинград. Здесь нашу дивизию разъединили: наш 3-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион 4-ой дивизии ПВО направили на защиту города. И хотя эта операция готовилась в строжайшей тайне, мы уже знали, что идем на Сталинград».

Огонь Сталинграда

1 августа 1942 года дивизион вошел в город, заняв боевую позицию в Центральном секторе, прямо на волжском берегу. На улицах было спокойно, тихо, играли дети, на

первый взгляд, вполне мирная обстановка. «Даже не верилось, что недалеко идут кровопролитные бои», – вспоминает Софья Аркадьевна. – Поначалу сражение развернулось в 60 километрах от города в излучине Волги и Дона. Чтобы занять боевую позицию, нам пришлось рыть траншеи, а точнее, просто норы для ящиков со снарядами, а потом и землянки для нас самих, где можно было хоть как-то отдыхать. Вы даже не представляете, сколько за время войны мне пришлось перекидать земли! Наверное, тонны! Казалось, я уже никогда не избавлюсь от мозолей».

Поначалу на город были единичные налеты, основная война с воздуха велась еще на подступах к Сталинграду. И вот наступило 23 августа, когда немцы решили взять город штурмом. В этот душный летний день бомбардировщики воздушной эскадры Рихтгофена в полдень повисли над городом. Трудно сказать, сколько их было. В воздухе стоял сплошной гул. Неба не было видно – одни самолеты. Они налетали группами, сбрасывали бомбы, улетали, тут же летели другие. Только за один день было совершено две тысячи самолетовылетов!

Такого не было ни в одной войне! Не случайно историки называли Сталинградскую битву самой великой, самой тяжелой и самой кровавой. Она продолжалась 200 дней и ночей, или шесть с половиной месяцев. Это было знаковое сражение и для советских войск, и для немцев: нам надо было переломить ход войны, немецкой армии – взять реванш за поражение под Москвой. Поэтому все помыслы сражающихся сторон были, как к магниту, притянуты к горящему Сталинграду.

«Это был огненный ад! Немцы в первую очередь стремились уничтожить зенитно-артиллерийские орудия, рядом постоянно рвались бомбы, но мы стреляли до покраснения стволов. А у нас не было даже касок, буквально за два дня потеряли половину состава. Меня тоже слегка ранило – видите, на лице небольшой осколочный шрам? До сих пор с дрожью вспоминаю, как с насыпи, где раньше была школа, превращенная в госпиталь, падали раненые, кто без руки, кто без ноги, многие тут же гибли. Помню, как металась медсестры, пытаюсь кое-кого поднять на носилках. Раненых несли к переправе, а их обстреливали с самолетов. А на переправе что творилось! Волга горела, по воде разлилась нефть из разбитых танкеров. Мы таскали воду, мочили мешки и набрасывали их на орудия, чтобы быстрее остывали.

– Много самолетов удавалось сбивать?

– Много. Надо сказать, что мы уже по звуку научились определять тип самолета – истребитель, бомбардировщик,

«хенкель» или «мессершмит», и стреляли, стреляли... С воздуха немцы вели и психологические атаки: пикируя, самолеты сбрасывали на нас пустые ящики, всякое тряпье, заполненное камнями, мусором. Затем включали сирены, от воя которых, казалось, земля гудела».

Когда пожар стал стихать, в городе установился тяжелый дух пепелища. Запахи обугленного дерева, горелого железа, пережженного кирпича смешались в одно нечто одуряющее, тяжелое и едкое. Как только задувал ветерок, в воздухе начинали кружить сажа и пепел. Как рассказывала Софья Аркадьевна, они смачивали ватки нашатырным спиртом, и так дышали.

– На следующий день после начала атаки меня послали с донесением в оперативную группу штаба. Раньше до этого места от нашей боевой позиции можно было дойти минут за 15, а теперь несколько часов я ползла через трупы. Вы только представьте – там голова валяется, там рука, кругом стоны «помогите». Мрак, хлопья дыма, все черно, все горит. От домов одни кочерыжки. Наконец я доползла до здания, где располагался штаб, а от него остались одни руина. Но командир меня предупредил – если здание разрушено, спустись в подвал. Я заглянула, подвал всюду горел! И помню, в дверном проеме лежал мальчик, подросток лет 13, нога у него была почти оторвана. Увидев, что я ползу, застонал: тетя, убей меня. Я взяла из санитарной сумки пакет, как могла, перевязала его, он периодически терял сознание. После этого у меня в волосах появилась седая прядь.

– Эти кошмары во снах вам не являлись?

– Еще как являлись! Поэтому и сердце изнашивалось до предела. В общем, что было потом, я не помню – меня контузило, и на какое-то время отшибло память. Как я доползла до части, не помню, но доползла».

Немецкие танки и пехота прорвались к тракторному заводу, выйдя на северную окраину города. Завязалась настоящая схватка между немецкими танками и зенитными батареями Сталинградского корпусного района ПВО. Пожалуй, впервые зенитчикам пришлось взяться и за автоматы. Им на помощь пришли танкисты учебного танкового батальона и ополченцы завода. В результате было сбито 120 самолетов и уничтожено около 100 танков противника, а также 15 автомашин с пехотой и свыше трех батальонов автоматчиков. «В этих боях погибли мои боевые подруги, с которыми я уходила на фронт. А в память о тех геройских сражениях одна из улиц Сталинграда после войны была названа «Зенитной». На батарее вместе с Соней было всего две девушки, она, как всегда, комсоргом, поэтому приходилось пример пока-

зывать – и снаряды таскала, и стреляла.

«У нас было истинное фронтовое братство. Мы были как единое целое – один за всех, и все за одного. А ведь мы были разных национальностей, на нашей точке и казах был. По-другому мы бы не победили в той войне».

Бронепоезд «Большевик»

13 сентября немцы в очередной раз попытались взять город. Завязались жестокие уличные бои. Фраза о том, что каждый сантиметр сталинградской земли полит кровью, отнюдь не метафора. Так было на самом деле. Вскоре девушек начали выводить из города. «Меня перевели на бронепоезд, он стоял под Сталинградом, на другом берегу Волги. Через реку переправлялись и остатки 62-ой армии, а также пополнение. Чтобы их прикрывать, нас, зенитчиков, с орудиями погружали на катера, и мы вели огонь на воде».

Когда те, кто уцелел в этом огненном смерче, сошли, наконец, на берег, им вновь пришлось идти по степи. Стояла глубокая осень, и было настолько холодно, что Соня отморозила себе нос и уши. Обмороженная подошла она к бронепоезду, вид у нее действительно был настолько аховый, что многие бойцы пришли посмотреть на необычное пополнение.

Бронепоезд, по сути, был самостоятельной боевой единицей, численностью человек в 130. В его составе было три огневых взвода, отделение ПУАЗО (приборы управления зенитно-артиллерийским огнем) и взводууправление. Все вооружение и боеприпасы находились в десяти открытых бронированных полугагонах. «Когда я подошла к поезду, то увидела на центральной бронеплощадке несколько красных звезд, которые означали количество сбитых самолетов. Бронепоезд уже прославился в боях под Харьковом и Сталинградом».

Не однажды бронепоезд попадал в тяжелейшие ситуации, и только чудом ему удавалось уйти целым. В одном из боев Софьи Самарышева отличилась особо – она сбила «свой» самолет. А было это так.

«Мы стояли на станции Звереве, что под Ростовом, которую немцы пытались стереть с лица земли. Наш зенитный комплекс МЗА был снят с бронеплощадки и вынесен на под-

ходы к станции. Только мы окопались, как поступило сообщение, что к станции приближается большая группа бомбардировщиков. Открыли огонь. Один из «юнкерсов» начал пикировать и упал в двух километрах от бронепоезда. Вскоре загорелся и второй. Но мы рано радовались. Ночью началась новая, уже массированная атака – видимо, немцы хотели отомстить за сбитые самолеты. Грохот орудий и взрыв бомб сотрясал воздух. Один самолет начал снижаться прямо на меня, я увидела даже фашистскую свастику и вражеского летчика в кабине. Меня такая злость взяла – ах, ты, гад, думаю. Поймала цель и держу его изо всех сил. Одна очередь, другая, третья... Самолет вспыхнул и с грохотом врезался в землю. Рано утром на нашу боевую позицию приехал комиссар бронепоезда, он объявил, что за проявленное мужество и безупречное выполнение заданий командования мне объявлена благодарность, присвоено звание ефрейтора, а еще меня представили к ордену. Кстати, меня трижды представляли к орденам, но ни одного из них я так и не получила, и не только я. Дело в том, что бронепоезд постоянно перемещался из одного места в другое, и наши документы просто не успевали за нами. Да, если честно, мы и не думали тогда о наградах, для нас было главным немцев разбить.

На этом бронепоезде я провела два с лишним года, до осени 1944 года. Свыше 500 тысяч километров он прошел по фронтовым дорогам. На его счету более 300 отбитых атак противника и 15 сбитых самолетов, были сохранены от разрушения сотни стратегических объектов. Когда война подошла к границам СССР, нам объявили, что бронепоезд дальше не пойдет – колея не позволяла. Мне можно было остаться в тылу, но я опять попросилась меня на фронт». Соня Самарышева отправилась освободить от фашизма народы Европы. Впереди была Западная Украина, Балканы, Чехословакия.

После Победы началась не менее яркая мирная жизнь. Софья Аркадьевна Румянцева закончила Высшую партийную школу и Московский институт культуры. Была директором Центрального Дома народного творчества им. Н. Крупской в Москве. Организовывала концерты самодеятельных коллективов на ВДНХ СССР, в Колонном зале Дома союзов, в лучших залах Москвы и Ленинграда, кинофестивали и выставки.

В 1966 году Румянцеву пригласили в Алма-Ату. Сначала она была директором Дворца культуры Алматинского домостроительного комбината, а затем директором Республиканского Дома художественной самодеятельности профсоюзов Казахстан. И сейчас, несмотря на солидный возраст, она по-

прежнему энергична, много занимается ветеранскими делами, пишет книгу воспоминаний. И по-прежнему красива, той, особой красотой, которая приходит с годами, но сквозь которую все-таки угадывается двадцатилетняя зенитчица Сонечка Самарышева.

**Елена Брусиловская,
«Казахстанская правда»**